

Хотя даймё различных земель редко, если вообще когда-либо, выходили за пределы своих границ, один раз в сезон два эмиссара (один от даймё, другой от кагэ) от каждой из великих наций, а также довольно много из более мелких, поехал бы в гости к другой Великой Нации.

Летом настал черед Хозяина Молнии, осенью — Земли, зима была припасена для пустынной страны Ветра, а Огонь получил Весну. Вода не хотела, чтобы в ее управлении присутствовали иностранцы даже в мирное время, поэтому они посылали только эмиссаров.

Как ни странно, именно они приехали первыми.

Они мало что сказали.

По словам Сэнсэя, они никогда этого не делали.

Тем не менее Сакура записала их прибытие, и рядом с ней Джуро начал вытаскивать документы, касающиеся Уотера, надеясь найти биографии возможных эмиссаров, расположенные где-то внутри, чтобы соответствовать недавно раскрытым именам.

После Воды появился Ветер, и Сакура с интересом слушала из маленькой комнаты рядом со двором, как вновь представились ближайшие союзники Огня. В Стране Огня названия растений и тому подобное были наиболее популярны, но в Ветре детей обычно называли в честь развлечений — игр, танцев и веселья — или в честь оружия. Их эмиссары, Одорико Касуи из Даймё и Торедо Фупу из Суны, похоже, не сопротивлялись этой тенденции, и Сакуре это показалось довольно забавным; если бы она жила посреди пустыни, она скорее думала бы, что захочет назвать своего ребенка в честь чего-то живого, но тогда ей приходилось каждый день смотреть на живые существа.

Ветер только что прибыл, когда были объявлены следующие эмиссары, команда Лайтнинг, от чего Джуро громко заскулил. Конечно, сейчас у него была самая тяжелая работа, в то время как расшифровка стенограммы Сакуры поначалу была довольно простой, но потом становится все труднее успевать за ней.

Тем не менее, прибытие Лайтнинг ее тоже не совсем обрадовало.

Сакура была очень, очень рада, что рисовая бумага защитила ее от глаз.

Только Шин был на виду, да и то его (как помощника) представлять не собирались. И Джуро, и Сакуру держали в маленькой комнате именно по этой причине — глаза и волосы Яманаки были слишком характерными, а средний ниндзя был либо худым, либо мускулистым; все остальное было явным признаком Кеккей Генкая.

По крайней мере, Нара не были такими уж уникальными. Все они, как правило, были кареглазыми, темноволосыми и имели тенденцию к более худощавому телосложению; они могли тренироваться годами, жать лежа в горах и при этом выглядеть так, будто запыхались, таща дрова. Сакура сама сейчас выглядела немного похожей, но это было больше связано с ее возрастом, чем с чем-либо еще — у Яманака в целом, как правило, были люди с типом телосложения где-то посередине.

Тем не менее, надежда заключалась в том, что Шин, который выглядел смутно так, будто он мог быть выходцем из любой точки Нации Огня, не будет склонять Лайтнинг к какой-нибудь глупости и к началу новой войны, когда раны от предыдущей только начинали рубцеваться. Соккрытие своих более заметных кеккей генкаев, скорее всего, мало что помогло в этом предприятии, но все же это было лучше, чем вообще ничего не делать.

За Молнией последовали последние прибывшие Эмиссары, команда с Земли.

Знакомство было быстрым и по делу.

Посланники меньших наций — Трава, Горячая Вода, Рис, Водоворот — встали между более крупными, и Сакура позаботилась о том, чтобы записать их присутствие и заявления, как это было ее обязанностью, но они, как и все остальные, знали, что они были ничем по сравнению с сильными нападающими; они были там из вежливости, и ничего больше (за возможным исключением Узу — Коноха очень старалась, чтобы их считали одной из великих деревень, и хотя эта попытка провалилась, связь оставалась достаточно сильной, чтобы у них все еще было столько же слова, как любая великая нация в политике Огня.)

Эмиссары других стран останутся только на одну неделю, а суд будет проводиться только пять из этих дней, поэтому после того, как Земля обосновалась там, потребовалось немного времени, чтобы суд начался в полном объеме.

.

Судебное заседание, конечно, должно было начаться с речей.

Первое было от одного из многочисленных придворных (очевидно, нынешнего фаворита), длилось около десяти минут и сводилось к следующему: «Мир — хорошо, война — плохо». Сакура написала это на полях стенограммы.

Следующее было от самого даймё, его ежеквартальное официальное обращение о положении нации.

Это можно свести к следующему: «Мир и процветание — это хорошо, война и анархия — это плохо». Она тоже это написала на полях.

Затем последовало представление, при котором всем, кроме слуг и помощников, приходилось стоять по очереди, чтобы их узнали и, если они впервые предстали перед судом, официально представились.

И вот, наконец, началась настоящая работа.

Компания Wind хотела заключить лучшее тарифное соглашение.

Остаток дня был потрачен на то, чтобы определить, что именно они хотели изменить, хотя на самом деле ничего не было закреплено до последних дней. Переговоры были скучными, долгими, говорили вокруг просьб, а не напрямую о чем-либо просили, и тратилось не менее получаса на то, чтобы выполнить то, что можно было бы сделать в предложении. По крайней мере, это облегчило бы подведение итогов дня.

Это был второй день, когда все начало становиться интересным (что в контексте дипломатии никогда не было хорошо).

Именно Ива (еще один фантастический знак, совсем не стрессовый) сделал это таким.

— И у тебя есть доказательства? — спросил Сэнсэй, вмешавшись (довольно грубо, но те, кто имел значение, простили бы грубость).

— И какие доказательства вы хотите, чтобы я предоставил? Эмиссар Ива ухмыльнулся. «Вы бы

просто объяснили все, что я пытался выдвинуть».

— Любые, — сказал Сэнсэй, не отступая.

Ива, в традиционной земной манере, обвинил Узушиогакуре в том, что он запустил шпионов в их деревню. Игнорируя тот факт, что шпионы были предполагаемой частью жизни, игнорируя тот факт, что Узушиогакуре на самом деле нашел шпионов Ивы в 25 К, всего четыре года назад, все еще оставалась проблема, заключающаяся в том, что Ива и Узу находились буквально на противоположных сторонах земли.

В чем именно заключалась сделка Ивы?

«Хотя я не могу предоставить вам тела — к сожалению, это правда, что Узушиогакуре использует печати на своих шпионах, чтобы гарантировать полное разложение их тел, если их поймают...» (Эмиссар Узу не согласился, и не согласился довольно громко, поэтому Ива Эмиссар повысила голос) «— если нас поймают — мы можем заверить вас, от одной Великой Нации к другой, что это правда».

Сакуре это очень, очень не понравилось.

Ива знал, что это не сработает — для этого не было абсолютно никаких причин, — поэтому важным вопросом было то, почему они вообще это делали.

Сакура знала, что на прошлых сессиях Ива сосредоточился в первую очередь на контроле над многими из более мелких наций и их экономикой, обвиняя Файер и Коноху (не совсем ошибочно) в меркантилистской политике и наличии марионеточных государств. Внимание к Узу было для него новым и тревожным.

На полях стенограммы Сакура сделала пометку, чтобы спросить Шина о лицах других эмиссаров — хотя ответы Узу, Конохи и Огня были предсказуемы, возможно, Ива пытался заручиться поддержкой других стран, чтобы ослабить Огонь или Узу. каким-то образом.

Эмиссар Узу говорил сейчас, отрицая утверждения о печатях дезинтеграции (это было что-то новое, признала бы Сакура. Она не слышала о них раньше, но тогда Коноха и Огонь в целом были очень сторонниками Водоворота). на отрицание использования шпионов — заявление, которое вряд ли было правдой с самого начала, и тем более после того, как Ива был пойман на шпионаже за ними — и напоминание остальным о многих, многих проблемах с необоснованными обвинениями.

Хотя Сакура ничего не видела сквозь стены из рисовой бумаги, насколько она могла судить, большинство не-Огня с этим согласились.

Брифинг в конце дня не был веселым.

Джонин и чуунин расхаживали, расстроенные и не зная, что делать, и строили планы встретиться с несколькими семьями, встретиться с эмиссарами Водоворота и, в идеале, с самим даймё.

Хотя на брифинге ничего не было решено, одного из чуунинов отправили бежать обратно к Каге той ночью, а не в конце недели, как планировалось — необычное поведение слишком явно указывает на то, что его можно игнорировать .

Следующий день рассветал слишком рано, и слишком скоро Сакура снова оказалась в

крошечной комнате, слушая голоса тех, кто находился по другую сторону листа бумаги, и пытаясь понять, что они говорили и что они имели в виду. .

Внимание, конечно, по-прежнему было сосредоточено на даймё и теоретических действиях, которые эмиссары хотели от даймё, но теперь делегаты от Земли, Молнии и Воды забились в угол, а Горячая Вода (одна из меньших наций Огня) (в прошлом обвинявшийся в марионетке) парил рядом с ними, никогда не настолько близко, чтобы ему можно было прямо противостоять, но слишком близко, чтобы чувствовать себя комфортно.

Проигрывать – это искусство. Почти во всем есть искусство, думает Сакура, но овладеть проигрышем особенно сложно.

Нет, заметьте, ведь проиграть ужасно трудно.

Начать с того, что проиграть довольно просто, и добавить к этому наречие (изящно, искупительно, уместно, непоколебимо, на мгновение) тоже обычно довольно просто.

Проблема в том, что проигрыш – это... ну, это провал. И когда кто-то терпит неудачу, его внимание обычно направлено на ЭТО, а не на то, чтобы убедиться, что он терпит неудачу наилучшим образом.

Вообще говоря, Коноха хочет, чтобы ниндзя научились проигрывать как можно раньше. Опять же, не потому, что они хотят, чтобы они потерпели неудачу, а потому, что неудача в некоторой степени неизбежна, поэтому вам следует научиться делать это как можно лучше.

Сакура научилась проигрывать в играх, спаррингах, школьных соревнованиях и драках по хозяйству.

Она еще не проиграла сколько-нибудь впечатляюще, но теперь, сидя за столом рядом с Джуро, ее охватило чувство, что она – весь дипломатический корпус – находится на грани поражения, поражения и отказывается осознать это. Это слишком долго.

К тому времени, когда они по-настоящему осознают, что потерпели неудачу, у них не будет шансов потерпеть неудачу изящно, искупительно, уместно, непоколебимо или на мгновение.

На другой стороне рисовой бумаги один из дипломатов засмеялся, а Сакура уставилась на свои записи. Сегодня был не лучший день для Конохи.

.

В конце недели каждый из эмиссаров других стран один за другим уехал.

За последние несколько дней ничего не изменилось, по крайней мере, на чисто законодательном уровне: тарифы остались прежними, курсы обмена валют стабильными, а малые страны по-прежнему так же относительно бессильны, как и всегда.

И все же не было ощущения, что ничего не произошло.

Чунин вернулся из Конохи с приказом Хокаге — внимательно следить и попытаться заручиться поддержкой.

Сакура нашла эти приказы глупыми и неосведомленными о уже предпринятых действиях.

Она была слишком умна, чтобы высказать свои возражения вслух.

Даймё, судя по всему, был доволен тем, что игнорировал разные, новые, нервирующие, плохие вещи, предпочитая устроить вечеринку в последний день пребывания Эмиссаров.

Сэнсэй вернулся со встречи с этим человеком без хороших новостей; Коноха кричала «дым!» а даймё говорил: «Просто облако».

Сакура тоже думала, что он идиот, но если бы она когда-нибудь сказала это, то была бы как минимум в два раза идиотом.

По крайней мере, Лайтнинг ничего не пробовала, и эмиссары Кумо и их даймё, очевидно, вели себя наилучшим образом.

Ветер тоже казался более или менее довольным; очевидно, в том году в их лесу выпало больше осадков, чем обычно, поэтому они менее отчаянно цеплялись за грань выживания, чем обычно.

(Конечно, это была ужасно несправедливая неверная характеристика. Но это правда, что их выживание во многом зависело от торговли, а торговля слишком быстро распадалась перед лицом войны, будь то физическая, экономическая или какая-то другая. )

Нации и люди, которые их составляли, продолжали бы существовать, не подозревая, по крайней мере в ближайшем будущем, что именно планировал север.

Никому из Конохи это не понравилось, но их руки были слишком связаны, чтобы громко жаловаться.

Вместо этого делегация, включая Чинмоку, погрузилась во вторую часть весенней сессии: внутренние вопросы.

По сравнению с темпом первой недели оставшаяся часть сессии, казалось, замедлилась. Сам суд, как правило, распускался на час-два раньше, и гораздо больше времени уходило на частные встречи один на один, встречи, которые Сакуре не приходилось расшифровывать. Теперь ей действительно пришлось присутствовать на некоторых из них — с исчезновением Лайтнинг необходимость доказывать преданность, силу и уважение, демонстрируя происхождение чинмоку, стала гораздо более важной — но у нее (и ее товарищей по команде) внезапно появилось свободное время. .

Первые несколько минут свободного времени они проводили там же, где и все остальное: в жилых помещениях.

написал Шин. Джуро читал свои медицинские учебники. Сакура немного покачивалась, чувствуя себя запертой, прежде чем приступить к написанию собственных статей — у нее были некоторые идеи о том, как проверить понимание Арден науки в ее собственном мире, и она хотела наметить планы как можно более конкретно, прежде чем предпринимая попытку.

Иногда они спарринговали. Теперь было время для этого, между охами и ахами над коллекцией произведений искусства одного придворного в обмен на усиление поддержки в отношении налога на импортируемую воду и тщательным проталкиванием 83 (83!) внесенных поправок к тому же налогу.

Сакура по-прежнему плохо справлялась с спаррингами по сравнению с Джуро и Шином, но не так сильно, как раньше — Джуро еще не получил хорошего понимания, как использовать свой кеккей генкай в закрытых помещениях, единственных тренировочных площадках, к которым у них был доступ, и Хотя растущий контроль над тенью у Шина был хорош, он имел тенденцию

быстро утомлять его, и он всегда слишком стремился использовать его вместо того, чтобы экономить энергию. Сакуре все еще приходилось иметь дело с бременем меньшего и менее сильного тела, но она была довольно гибкой и быстрой и теперь наносила в среднем от трех до пяти «умственных препятствий» за спарринг (три против Джуро, который лучше умел прятать глаза, и пять на Шина, которому на данный момент приходилось использовать глаза, чтобы управлять своими тенями, и поэтому ему почти гарантирован период слабости.)

Тем не менее, Сакура обнаружила, что более или менее застревает в одних и тех же нескольких комнатах, когда она не работает, что ее немного расстраивало, и она быстро сходила с ума.

— Ты бы остановился? — огрызнулся Шин, не отрываясь от своей последней попытки писать стихи (это был популярный вид искусства в столице, и Шин был уверен, что перенести его способности рассказывать истории в новое хобби будет несложно. Он ошибся, что настолько разозлило его, что он полностью отказался от написания художественной литературы, по крайней мере на данный момент.)

"Стоп что?"

«Подпрыгивая».

Сакура не считала это очень справедливым. Она не подпрыгивала, она ходила. По общему признанию, она шла в ритме, но это не заставляло ее подпрыгивать.

«Я не подпрыгиваю».

«Тогда прекрати, что бы ты ни делал!»

«Дышать? Любить? Существовать?»

- Сакура, - пристально посмотрел на нее Шин.

На другом конце комнаты, на их общем футоне, храпел Джуро.

"Что?"

«Сакура».

"Мне скучно!" Она знала, что ее нытье звучало жалко и раздражающе, но это была правда - ей было скучно.

Во всяком случае, ей было почти десять лет. Ей показалось не особенно справедливым, что она все еще находится взаперти (не говоря уже о том, что Шин и Джуро, одиннадцати и двенадцати лет соответственно, тоже были там).

— Тогда иди в онсэн.

Сакура вздохнула. Это было хорошее предложение; хотя это вряд ли облегчило бы ее скуку, но, по крайней мере, убрало бы ее с дороги Шина, чтобы он перестал на нее пристально смотреть.

Она ушла.

Сакура не особенно любила онсэны. Она была одной из удивительно немногих, кто этого не делал - к ним относились почти как к развлечению номер один во всем мире, насколько она

могла себе представить. Но лично ей они просто... не показались такими уж приятными.

Жара, пар и влажность, казалось, давили на ее грудь, с одной стороны, а с другой, весь «расслабляющий» аспект был менее расслабляющим и более (шокирующим) скучным.

Это было похоже на медитацию без пользы.

Сакура с самого начала даже не любила медитировать.

Тем не менее, прогулка до онсэна была бы хороша, и это была одна из немногих поездок, которые ей разрешали совершать без сопровождения.

Она схватила необходимые туалетные принадлежности, рассказала одному из трех чуунинов, которые сейчас находились в жилых помещениях, о своем плане и ушла.

Кварталы шиноби находились, казалось, в хорошей части города; он был небольшим, но с обеих сторон его окружали жилища вождей самураев и небольшой храм мифического основателя «Великого города». Большая стена — одна из старейших в городе — примыкала к задней части здания, а из окон спереди открывался вид на множество придворных домов, которые использовались в качестве резиденций только во время судебных заседаний по сравнению с обычными домами. Гораздо более крупные, постоянно занятые, граничащие с резиденцией даймё.

Онсэн, который был общим для временных резиденций и военных кварталов, был большим, щедро украшенным нефритом, и находился всего в трех кварталах от него по Г-образному маршруту.

Сакура направилась прямо туда.

Неудивительно, что женская часть онсэна была пуста. Придворные, если они на самом деле не жили в столице, не видели смысла возить свои семьи на каждое судебное заседание, а у самураев изначально не было женщин. Сакура была уверена, что число женщин, которые на самом деле пользовались онсэном, насчитывало около дюжины, если это так.

Мужская часть была гораздо более многочисленной, голоса были повышенными, а различные члены суда использовали это место, чтобы узнавать друг друга, заключать и расторгать сделки, а также продвигать свои различные планы.

К сожалению, эта цель была хорошо понята и поощрялась, поэтому небольшие печати (подаренные Удзу много лет назад) гарантировали, что все онсэны высшего сословия будут защищены от любых подслушивающих и подглядывающих.

(Хорошей частью этого было то, что Сакуре не могла быть поручена сидеть в онсэне весь день, каждый день, чтобы собирать информацию, но она предполагала, что дополнительная информация была бы полезна для Конохи в целом — особенно потому, что большинство другие методы отговорить слушателей не могли сравниться с чакрой.)

Все это означало, что для Сакуры у онсэна не было другой цели, кроме его использования по прямому назначению.

Не теряя времени, она разделась, опустилась на скамейку внутри и вздохнула от жары, надеясь, что придет время ее следующей смены, прежде чем это тоже сведет ее с ума.

(Сакура передумала. Отсутствие шпионажа просто заставило ее скучать; им следует избавиться от печати Узу, просто чтобы дать ей чем-то заняться.)

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3305522>